

Истина - 1993 - 29 мая

Есть в России утес

19 июля исполняется 100 лет со дня рождения Владимира Маяковского.

Этот юбилей — в ряду важнейших международных культурных событий ЮНЕСКО

Он с самого начала хотел быть услышанным. Преодолевая муку незнания, выкрикнул: «Послушайте! Ведь, если звезды зажигают — значит — это кому-нибудь нужно?» Этим и кончил, уже не спрашивая, но взывая: «Слушайте, товарищи потомки...» Потому форсировал голос, хотел перекрыть «распирающий грохот революции» и — надорвался.

Маяковский — первый русский поэт, который обратился к толпе, к массам. Сейчас бессмысленно спорить, хорошо это или плохо. Кому что, дано или не дано. Про Маяковского можно сказать: из трагического одиночества, в которое его пригнетала тайна мироздания и несовершенство человеческого жизнеустройства, он рвался к людям любым способом — криком отчаяния, грубостью, проклятием, стараясь обратить на себя внимание, проваливая романтическое стремление объединить всех, «кто рвал молчание, кто выл оттого, что пелли полдней туги...» Он звал их: «Придите все ко мне...» Он обещал: «...я вам открою словами простыми, как мычанье, наши новые души, гудящие, как фанарные дуги...»

В то время ему было 20 лет. Тогда же юный Маяковский предсказал свою судьбу: «А я, прихрамывая душой, уйду к своему трону с дырами звезд по истертым сводам. Лягу, светлый, в одежде из лени на мягкое ложе из настоящего навоза, и тихим, целующим шпал колени, обнимет мне шею колесо паровоза». Неискоренимое, трагическое

заблуждение русской интеллигенции, будто ценою личной жертвы можно изменить жизнь, осчастливить человечество...

В подростковом возрасте прошедший начальную школу большевистского подполья и бутырской одиночки, отойдя от политической борьбы, Маяковский решил «делать социалистическое искусство». Вероятно, формула «социалистического искусства» — дань другому, послеоктябрьскому времени, когда писалась автобиография, ибо в его поэзии до 17-го года не видно каких-либо попыток в этом направлении, если не сбодить социалистическую идею к лозунгу «дойди!»

Дооктябрьский Маяковский, автор стихов и поэм «Облако в штанах», «Флейта-позвоночник», «Война и мир», «Человек» — трагический поэт огромной мощи, несущий в себе стихию мятежа, «предтеча» революции и ее добровольная жертва, поэт с неиссякаемым запасом выразительности, которую он черпал как из запасников народного речетворчества, так и из «корявого говора» улицы.

И что особенно важно отметить для понимания послеоктябрьского Маяковского — он своим, естественным путем шел к революции, больше отражая чаяния ее стихийных, нежелезных организованных сил. Он был стихийный революционер, и тысячу раз прав Б. Пастернак, сказавший про Маяковского: «...его революционность есть революционность совершенно самостоятельная, порожденная не только ис-

торическими событиями, а его типом, складом, мыслью, голосом». Отсюда все его последующие эксперименты «революционизации» искусства слова, попытки его утилитарного приспособления к политике, насилия над природой поэзии.

Нет никакого сомнения, что Маяковский искренне принял революцию. Нет также сомнения в том, что после 17-го года, по крайней мере в самой общей форме, он воспринял идеалы социалистической революции. И поставил свое перо «в арсенал вооружения пролетариата», не гнушаясь при этом «никакой черновой работой», проявляя готовность писать «агитки по любому хозяйственному вопросу».

Вот здесь и завязывается тот узел противоречий в сознании, в душе, в творческом поведении, который дает поводы не просто к разноречивым, но и к противоположным оценкам творчества Маяковского послеоктябрьского периода. Здесь начинается раздвоение сознания Маяковского, поэтического видения событий и течения жизни.

В 1921 году в статье «Умер Александр Блок» Маяковский сказал о его поэме «Двенадцать»: «Одни прочли в этой поэме сатиру на революцию, другие — славу ей». И осуждающе добавил, что Блок «не выбрал», славить ли революцию, или «стенать над пожарщиком» сожженной библиотеки. Значит — «дальше дороги не было».

(Окончание на 4-й стр.)

Владимир МАЯКОВСКИЙ
Я хочу
быть понят
моей страной,
а не буду понят,—
что ж,
по родной стране
пройду
стороной,
как проходит
косой
дождь.

Есть в России утес

(Окончание.)

Начало на 1-й стр.)

Ах, как легко иногда высказываются суждения о выборе пути другими и как отзываются на судьбе тех, кто судит!

Но не будем спешить. Романтик и максималист Маяковский, воздав дань героям революции, уже в 20-м году начал свой разговор «о дряни». А стихотворение «Прозаседавшиеся» (1922) стало первым острейшим сигналом неблагополучия в исполнительных службах новой власти. Маяковский произвел мощный залп по новому, советскому происхождению, бюрократизму, из которого развилась и сложилась затем авторитарная система.

В. И. Ленин как человек достаточно образованный и жесткий прагматик уловил этот сигнал, совпадавший с его собственными наблюдениями, и дал высокую политическую оценку стихотворению Маяковского, принял его сатиру на счет коммунистов, хотя в «Прозаседавшихся» этот адрес прямо не указан. Похвала Ленина воодушевила Маяковского, стимулировала сатирическое направление его творчества.

И вот отсюда, с начала 20-х годов, в творчестве Маяковского находит отражение то раздвоение сознания, тот дуализм, что составлял дискомфорт внутренней жизни поэта. В конце концов — наряду с другими причинами — именно это приводит его к трагическому финалу.

Попробуем в этом разобраться. Без колебаний встав на сторону революции к октябрю 17-го, Маяковский не сразу, но находит свое место в ряду ее «движущих сил». Он работает в РОСТА (Российское телеграфное агентство) — рисует плакаты на злободневные темы и сочиняет стихотворные подлики к ним, пишет пьесу «Мистерия-буфф» и архиреволюционную поэму «150 000 000», преобразует старый футуризм в Комфут (коммунистический футуризм), пытается выдать его за государственное искусство. Он стремится подхлестнуть, ускорить развитие событий, приблизить коммунистическое будущее, хотя и неясно представляет себе, каким оно должно быть. Но в то же время сталкивается с уродливыми искажениями революционных деклараций и лозунгов в общественной жизни, в практике их воплощения.

И Маяковский апеллирует к массам (ходовое определение народа в 20-е годы), зовет их на борьбу за новую жизнь, конкретизируя тематику стихов в соответствии с очередными политическими и хозяйственными кампаниями партии и советской власти. Иначе говоря, подчиняет свое творчество политическим задачам. И здесь, на этом направлении, ищет поэзия, звучат бодрые марши, призывы, лозунги, декларации, характерное для того времени удалое русское «Дашь!»: «Дашь автомобиль!», «Дашь материальную базу!», «Дашь мотор!», «Дашь хлеб!», «Дашь мотор!», «Дашь хлеб!» и просто «Дашь!» Рифмованный агитпроп 20-х годов. Поучительный пример того, как прямое вторжение в политику обедняет поэзию, лишает ее обаяния недосказанности, глубинных смыслов, полутонов и оттенков, сводит ее к «производству». На этой почве и возникла утилитарная теория «производственного искусства».

Конечно, человек гениальной одаренности, Маяковский и на почве стихотворного агитпропа достигал определенных высот. Что такое, например, «Стихи о советском паспорте»? Это поэтически блестяще выполненная газетная агитка. То же самое можно сказать о заключительной главе поэмы «Хорошо!» («Я земной шар чуть не весь обошел...»), о целом ряде других произведе-

ний. Но наряду с ними, в изрядном количестве писались и просто рифмованные агитки к очередным «кампаниям», смахивавшие на газетные передовицы. И уж дошло дело до того, что рекламные плакаты типа: «Нигде, кроме как в Моссельпроме» или «Кто куда, а я в сберкассе» — объявлялись шедеврами поэтического искусства.

Вся эта газетная поденщина, как, впрочем, и реклама, исполнялась Маяковским с искренней убежденностью в ее нужности и полезности советской власти, в защиту социальных завоеваний и идеалов, которые на его глазах утрачивались. Поэтому он создает очищенный от всякой накипи образ идеального революционера Ленина в поэме о нем, пишет к десятилетию Октября поэму «Хорошо!» — как воспомина-

нием, как проходит косой дождь».

Вместе с Маяковским, «агитатором, горланом-главарем», набирает силу Маяковский-сатирик, автор «Прозаседавшихся», поэт, который, после «Хорошо!», собирался написать поэму «Плохо!». Вероятно, тоже с восклицательным знаком в конце названия, ибо вся «бюрократияда» Маяковского 20-х годов (есть и стихотворение с таким названием) — это беспощадная, с нарастающей критической массой сатира на управленческие структуры и органы власти, на их представителей. Типы деятели-перерожденцев, приспособленцев, подхалимов, взяточников, «помпадуров», бюрократов с партийными билетами и ЦИКовскими значками представляют в сатире Маяковского некий разрез общества, застав-

ляющий оценивать явление в целом, как опасное для будущего страны и народа.

Если принять во внимание, что сатира на внутренние темы тогда не поощрялась, имела хождение и поддержку «сверху» теория вредности ее для молодого Советского государства, мол, она льет воду на мельницу вражеской пропаганды, то с охранительных позиций сатирическое творчество Маяковского приобретало сомнительный оттенок. Не случайно по политическим мотивам были запрещены к съемкам два его киносценария.

Такое отношение к Маяковскому особенно проявилось после постановки в театре Вс. Мейерхольда пьес «Клоп» и «Баня», последних его крупных произведений. Критическая кампания вокруг «Бани» началась еще до публикации полного текста пьесы и постановки в театре. И началась она с командного пункта РАПП — Российской ассоциации пролетарских писателей, узкокастовой организации, поддерживавшейся ЦК ВКП(б).

А когда все-таки «наступал», то не в пользу поэзии. Так и складывался «отрубив» щемящее искреннее, можно сказать, больные строки от стихотворения «Домой!»: «Я хочу быть понят мой страной, а не буду понят — что ж, по родной стране пройду сто-

ванию — Главначпупс Победоносиков. Победитель. Человек с прошлыми заслугами. И большой чин, ибо охраняется секретарем, диктует стенографистке, отдает распоряжения по кремлевскому телефону («вертушке»). В пьесе не раз звучит фраза одного из подручных Победоносикова: лес рубят — щепки летят. Да, «щепки» уже тогда летели...

Отношение к такой сатире выразил и сам Победоносиков. Он, оказывается, имеет отношение к искусству и смотрит первые действия «Бани» в театре. «Сгущение все это, в жизни так не бывает... Это надо переделать, смягчить, опозитизировать, округлить...» Маяковский не «переделал» и не «смягчил». Он заглянул далеко вперед, ибо его Победоносиков дал своеобразную установку для будущих разборок и оценок «идеино порочных» спектаклей, фильмов, романов...

Такой сатиры Маяковскому не могли простить «неистовые ревнители» идейной чистоты пролетарской литературы, расценив «Банию» как пьесу, лишенную «классового содержания» и несущую в себе «издевательское отношение к нашей действительности...» Критика была на уничтожение. И совершенно не случайно даже в предсмертном письме Маяковский выразил сожаление, что не удалось «додругаться» с одним из руководителей РАПП, первым критиком «Бани».

В «Бане» и критике ее Маяковский напрямую столкнулся с командно-бюрократической системой, являл ли еще сознавая ее наступившее всевластие. И потерпел поражение. Сатира, «оружия любимейшего рода», с которой он связывал свои творческие планы, оказалась под подозрением. Газетные агитки, вроде последних — «Марш ударных бригад», «Тревога», писались по инерции и все скуднее обнаруживали природу поэтического дара Маяковского. Вот и стал для него, как и для Блока, вопрос о выборе пути...

Пре красное и возвышенное «Во весь голос» прозвонено прощальным итогом короткой и яркой, как просверк молнии, жизни поэта. Маяковский совершил роковой выстрел в сердце, когда его завели в тупик обстоятельства личной жизни, когда он находился в состоянии депрессии, переживал творческий кризис, когда ощутил на себе мощный пресс системы, лишившей литературу воздуха свободы.

Он еще хранил в душе идеалы революции. Пережив ее три-

умф, восславив ее вождя и народ, принесший великие жертвы во имя мечты о новой, справедливой и светлой жизни. Маяковский не увидел ее реального продолжения в носителях власти. И все оказалось не так, как в заключительной главе поэмы «Хорошо!». Маяковский пережил трагедию раздвоения сознания, раздвоения личности. В нем была поколеблена вера. Впереди ждала трагедия и потери идеала.

Поэт ушел из жизни. Но из духовных и хозяйственных руин 20-х годов в руины жидного Маяковским социализма прорывается страстный голос поэта, который нутром художника, чутьем гения предвидел:

Взрывами мысли
головы
содрогая,
артиллерией сердец
ухая,
встает из времен
революция
другая —
третья
революция
духа.

Ал. МИХАЙЛОВ.

Фото на 1-й стр. и рисунок — из архива «Правды».

Хочу воровать

Я в «Рабочей», я в «Газете» меж культурнейших даров прочитал с восторгом эти биографии воров. Раскова лиризма воды, ударяясь в пафос краж, здесь мусолятся приводы и судимости. Ну и романтика! Хитры денегу прикарманье-ка и марш	в Соловки. А потом: побег... тайга... Соблазнен. Воруя! Точка. «Славное мо-о-о-ре, Священ-и-ный Байкал, Славный кор-р-р-рабль, Омулевая бочка...» Дела, чтоб черти ели вас! Чем на работу злиться, пойду вором, отстреливаясь от муров	и милиций. это дельце. Озари, газета, лучиком!! Кто писателем в отделе — Сонька Золотая ручка? Впрочем, в глупом стиле оно не могу держаться более... Товарищи, для чего нам эта рокамболь? Стихи из архива «Правды».
--	--	---